

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Грамматика русского языка. Редколлегия: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. Т. I. Фонетика и морфология.— М., Изд-во АН СССР, 1952. 720 стр. (Ип-т языкознания.)

Выход в свет академической «Грамматики русского языка» явился значительным событием в советском языкознании.

Потребность в нормативно-стилистической грамматике русского языка ощущалась уже давно. С мощным ростом социалистической культуры, когда миллионы рабочих и крестьян овладевают литературным языком, вопросы культуры речи приобретают особо важное значение. В нормативной грамматике нуждаются школа, печать, радио, театр, звуковое кино. Не только в институты Академии наук, но и на кафедры русского языка высшей школы постоянно поступают запросы о том, какие грамматические формы следует считать правильными, литературными. Советская общественность давно ожидала появления этого труда. Но выход его в свет задерживался.

Господство так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра, засилье араччевского режима, созданного его «учениками», на протяжении целого ряда лет препятствовали быстрейшему и плодотворному разрешению проблем грамматики. Только труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, давшие всеобъемлющую, стройную теорию марксистской науки о языке, призвали советских языковедов к кипучей целенаправленной деятельности. И теперь коллектив сотрудников Института языкознания Академии наук СССР осуществил издание полезного пособия по развитию культуры речи, по усвоению литературной формы языка, обеспечил советскую интеллигенцию авторитетным справочником по вопросам грамматики современного русского литературного языка.

Настоящая грамматика несомненно поднимет теоретический уровень преподавания языковедческих дисциплин в высшей школе. Нигилистическое отношение Н. Я. Марра и его «учеников» к вопросам грамматики имело широкий резонанс на протяжении 30-х и 40-х годов и выразилось, в частности, в том, что многие специалисты свободно и очень субъективно пользовались основными грамматическими понятиями: упрощая термины «грамматическая категория», «грамматическая форма», «часть речи» и т. п., каждый вкладывал в них свое содержание. Авторитет грамматики, изданной Академией наук, поможет устранить беспорядок в пользовании грамматической терминологией.

Вместе с тем труд этот будет полезен для языковедов национальных республик как образец описательных грамматик родного языка. В качестве авторитетного справочника немаловажное значение грамматика будет иметь для языковедов-русистов, учителей русского языка, а также для всех изучающих русский язык за рубежом, в частности в странах народной демократии.

Первый том «Грамматики русского языка» состоит из «Предисловия», «Введения», «Фонетики» и «Морфологии». Материалы тома расположены в 1419 параграфах. Приложен список цитируемых авторов и условные сокращения фамилий. Детально разработано оглавление.

В «Предисловии» (стр. 3—6) указывается, что грамматический строй языка является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он, хотя и медленно, постепенно изменяется; наряду со старыми явлениями в нем возникают, живут и развиваются новые, «вследствие чего в языке наблюдаются варианты произношения, ударения, форм слов, разновидности в области синтаксического строя. Варианты появляются в литературном языке также в результате постоянного общения и взаимодействия литературного языка с народными говорами, особенности которых в той или иной степени всегда проникали и продолжают проникать в литературный язык» (стр. 3). Поэтому научно разработанная нормативная грамматика «имеет большое практическое значение для широких кругов говорящих и пишущих» (стр. 3).

Далее сказано, что настоящая грамматика, взяв за основу установившуюся грамматическую систему, принятую средней школой, не пытается разрешить спорные и сложные теоретические вопросы. Основное ее назначение состоит в том, чтобы установить нормы русского литературного языка и вместе с тем показать богатейшие возможности, которыми язык располагает. В этом отношении нормативная грамматика дополняет собою издаваемый Академией наук СССР «Словарь современного русского литературного языка». Но, как покажет рассмотрение специальных разделов, академическая грамматика на самом деле тщательным изучением и описанием колоссального материала не только поставила, но и разрешила ряд теоретических вопросов, например, учение о двух стилях произношения, учет напряженности мускулатуры органов речи при характеристике звуков речи, выдвинула новую теорию слога, определила место словообразования и состав частей речи и т. п.

Во «Введении» (стр. 7—45) в очень ясной, четкой, общедоступной форме на основе учения И. В. Сталина о языке раскрыты понятия словарного состава языка, грамматики и их взаимоотношение. Выделены основные языковые единицы: предложение, словосочетание, слово, морфема, слог, звуки речи, или фонемы. Определены отделы грамматики — морфология и синтаксис. Рассматривается фонетика как особая языковедческая дисциплина, смежная с грамматикой и лексикологией, сделаны указания на связь стилистики и грамматики.

«Введение» представляет особую научную ценность, так как в нем заключены основные положения грамматики, дана общая схема ее построения, в четких, простых и общедоступных формулировках определены важнейшие понятия грамматики (грамматические категории, формы слова, части речи и др.), в особом разделе указаны основные способы образования слов и их форм, даны понятия основы и корня, понятия словоизменения и словообразования. Специальные главы в известном смысле являются развитием и иллюстрацией основных положений, данных во «Введении».

Но некоторые общие теоретические положения «Введения» несомненно требуют своего развития и углубления. Во «Введении» необходимо было определить взаимоотношение описательной и исторической грамматики, следовало раскрыть, какое место в нормативно-стилистических размышлениях занимает исторический подход к фактам языка. Современная научная описательная грамматика не может быть противопоставлена грамматике исторической. Исторический подход к языку помогает научно понять, теоретически осмыслить существо языкового явления. Определение литературной нормы не исключает, а предполагает исторический подход к языковым явлениям. Авторы «Введения» обошли этот принципиальный вопрос методологии советского языкознания, и это не могло не сказаться на описании ряда грамматических явлений, например, на способе подачи исторических справок.

Во «Введении» остается не раскрытым и ряд других, принципиально важных положений. Не определены, например, основные признаки литературной нормы — важнейшего понятия данной грамматики, хотя в «Предисловии» и было сказано, что при установлении литературной нормы составители пользовались положениями важнейших грамматических трудов от Ломоносова до современных исследователей. В отдельных разделах нормативность ряда грамматических форм является спорной, принципы ее определения остаются неясными.

Не указано также различие между нормативной грамматикой и стилистикой. В § 15 (стр. 15) сказано, что «стилистика противопоставляется, с определенной точки зрения, и лексике и грамматике, но, с другой точки зрения, входит и в ту и в другую, так что можно говорить о стилистике в фонетике, о стилистике в синтаксисе, о стилистике в лексике и т. п.» Это положение лишь частично иллюстрируется лексическими синонимами, о грамматических синонимах, например, ничего не говорится. Каковы действительные взаимоотношения между стилистикой и грамматикой, стилистикой и лексикологией — остается неясным. Остаются также скрытыми принципы разграничения нормативной грамматики и той части стилистики, которая примыкает к грамматике.

Не найдет читатель в книге и определения стиля языка. Поэтому остаются неясными основные признаки разграничения различных стилей речи. А между тем в специальных разделах составители будут широко и беспорядочно пользоваться различными стилистическими пометами. Определить значение важнейших стилистических помет во «Введении» было совершенно необходимо.

Во «Введении» имеется специальный и очень важный раздел об основных языковых единицах (стр. 9—12), но некоторые определения в этом разделе требуют развития и углубления. Не удовлетворяет определение предложения, так как в словах: «речь расчленяется прежде всего на п р е д л о ж е н и я, каждое из которых, являясь более или менее законченным высказыванием, выражает отдельную мысль» (§ 3, стр. 9) — собственно ничего не сказано о грамматических признаках предложения. Дальше дается только интонационная его характеристика.

Сбивчиво и противоречиво определяется словосочетание. В § 4 (стр. 10) сказано: «Грамматические единства внутри предложения, состоящие не менее чем из двух пол-

позначных (не служебных) слов, называются словосочетаниями». Это определение словосочетания иллюстрируется обычными парными сочетаниями слов с подчинительной связью согласования, управления и примыкания. Но в § 5 (стр. 11) имеется замечание: «Впрочем, в обыкновенной связной речи ясно слышна чаще всего делимость не на слова, а на более крупные объединения слов, на словосочетания», где словосочетание уже определяется как интонационная группа слов, как слитагма.

О способах выражения синтаксических отношений в русском языке в грамматике сказано следующим образом: «Способы эти весьма разнообразны: порядок слов, интонация, особые вспомогательные слова (так называемые служебные слова) и, наконец, различные видоизменения самих слов, так называемые формы слов» (§ 12, стр. 13). При такой формулировке может создаться впечатление, что для русского языка форма слов в выражении синтаксических отношений имеет наименьшее значение. Между тем общеизвестно, что формы слов и служебные слова являются главными способами выражения синтаксических отношений, а порядок слов и интонация — второстепенными, приобретающими особый вес лишь при отсутствии формы слов, служебных слов.

Когда в § 5 (стр. 10) читаем: «Словосочетания делятся на слова. Слова обозначают отдельные понятия», то неясно, в каком отношении к этому определению находятся служебные слова. Необходимо также более четкое определение фонемы (см. § 8, стр. 12). В § 19 нечетко определено различие сложного слова и неделимого словосочетания. В § 11 дана ссылка на понятие «формальная морфема», хотя в § 6, где читатель впервые встречается с определением морфемы, ничего не сказано о делении их на формальные и неформальные. Остается поэтому неясной фраза: «...отдел аффиксального (т. е. осуществляемого посредством сочетания основ слов с формальными морфемами) словообразования обычно также включается в морфологию». С формообразующими суффиксами, например, читатель встретится лишь в § 21.

Раздел 11 называется «Взаимопереход частей речи» (§ 64, стр. 42). Правильно, что слова из одной части речи переходят в другие. Общеизвестен переход причастий в прилагательные, прилагательных в существительные, существительных в наречия. Однако причем здесь взаимопереход частей речи? Ведь переход прилагательных в причастия неизвестен, как неизвестен переход наречий в существительные или переход служебных слов в знаменательные. Здесь смешано понятие о переходе частей речи со случайным употреблением того или другого слова в необычном синтаксическом положении: междометие может быть употреблено в функции сказуемого, однако от этого оно не становится глаголом, точно так же отдельные случаи субстантивации наречий, например «*Завтра не будет похоже на сегодня*», не позволяют говорить о переходе наречий в существительные.

Неуместно также преувеличение в таком высказывании, как «разряды слов в современном русском языке... находятся в постоянном движении», так как выражение «в постоянном движении» противоречит положению об устойчивости грамматического строя языка. Несмотря на все «постоянные движения» имя существительное на протяжении веков в массе своей остается существительным, глагол — глаголом и т. д. В § 65 неудачно сказано о числительном и местоимении, которые якобы «всегда являются в то же время либо существительными, либо прилагательными». На самом деле грамматически числительные и местоимения не являются ни тем, ни другим, они лишь по функции приближаются к существительным и прилагательным, всегда, однако, сохраняя свою специфику.

За «Введением» следует «Фонетика» (стр. 49—100). Составители хорошо понимают, что фонетика, занимаясь изучением звуковой стороны языка, является особой лингвистической дисциплиной. Фонетика в известном смысле противопоставляется и грамматике, и лексике. Но специфическая черта грамматики — абстрактный характер ее категорий — свойственен и фонетике. «Фонетика вовсе не занимается индивидуальными словами, а исследует общие правила данного языка в области звуков» (Шерба). Кроме того, фонетика, ее правила и закономерности тесно связаны со словоизменением и словообразованием, т. е. с морфологией. Вот почему фонетику удобно излагать при грамматике.

«Фонетика» в академической грамматике состоит из двух неравных разделов: «О единстве русского литературного произношения» и «Звуковой состав русского литературного языка».

В первом разделе указано, что для быстрого и легкого понимания устной речи совершенно необходимо единство правил произношения. Особо важное значение приобретает произносительная норма в настоящее время в связи с мощным развитием и распространением публичной речи. До Великой Октябрьской социалистической революции официально признанной произносительной нормой было московское произношение того времени, которое, однако, вполне единым не было, так как рядом с ним уживались произносительные варианты других культурных центров. После Октябрьской революции с созданием новой, народной интеллигенции в произношении появилось еще больше различных вариантов.

Однако этот раздел, занимающий всего две страницы, не может полностью удовлетворить читателя. В оглавлении, где каждый параграф имеет свое наименование, данный раздел выглядит значительнее, чем его действительное содержание.

§ 71, имеющий в оглавлении название «Изменение произносительных норм после Великой Октябрьской социалистической революции», следовало хотя бы снабдить ссылками на те страницы, где дается соответствующий фактический материал.

Раздел «Звуковой состав русского литературного языка» представляет собой фонетическую систему акад. Л. В. Щербы. Классификация гласных звуков создана на основе артикуляционных рядов, которые определяются положением языка по горизонтали; различаются русские гласные переднего ряда (*и, э*), заднего ряда (*о, у, ы*). При классификации согласных звуков основное внимание обращено на активно артикулирующий орган и на способ образования шума.

Произношение звуков, говорится в грамматике, зависит от степени отчетливости и ясности нашей речи. В основном выделяются два стиля речи: полный и разговорный. Полный стиль характеризуется тщательным, несколько замедленным произношением, при котором ударяемые и неударяемые слоги произносятся более отчетливо. Полный стиль свойственен речи в большой аудитории, на собрании, лекции, в речи диктора по радио. Разговорный стиль имеет различные варианты, однако следует различать некий средний вариант, свойственный спокойной беседе. «В этом случае темп речи в той или иной мере убыстряется, а неударяемые слоги подвергаются более или менее сильной качественной и количественной редукции» (§ 96, стр. 57). Редукция гласных, природа ударенных и неударенных гласных зависит от большей или меньшей напряженности речевого аппарата. Учет напряженности мускулатуры всех органов речи при характеристике звуков речи является новым моментом в фонетической литературе.

В § 122—127 дана новая теория слога, которая также основана на учете изменения мускульного напряжения. Оригинальным является и учение о слогоразделе с выделением сильноконечных и сильноначальных согласных. «Начало слога определяется возрастающим усилением, конец слога — постепенным ослаблением. В связи с этим согласные начала слога являются *сильноконечными*, т. е. усиливающимися к концу, а согласные конца слога — *сильноначальными*, т. е. ослабляющимися к концу» (§ 122). Далее (§ 123—124) даются правила слогоделения в полном стиле внутри слова, на стыке служебного и знаменательного слова (§ 125), в потоке речи на стыке знаменательных слов (§ 126).

Раздел «Фонетика» замыкается таблицей, воспроизводящей правила чтения букв и буквенных сочетаний в полном стиле. Таблица эта является полезным орфоэпическим справочником и поможет укреплению произносительной литературной нормы.

Весь раздел создан на основе передового советского учения о фонеме. Дано детальное описание системы гласных и согласных звуков и их изменений в живом потоке речи. Указаны все действительно существующие нормы и допустимые варианты современного русского литературного произношения. Подвергнуты пересмотру традиционные нормы старого московского произношения, например, в примечании к § 106 (стр. 63) сказано: «Произношение после шипящего звука, близкого к *ы*, согласно старой произносительной норме, т. е. *жыра́, шылу́н*, сейчас уже является архаическим».

Но если помнить о том, что «Фонетика» является ценным пособием не только для русских, но и для нерусских, изучающих русский язык, следовало бы дать общую характеристику артикуляционной базы русского языка, указать его особенности в составе звуков, слогоделения, ударения, мелодики и т. п. Такими специфическими чертами являются известная вялость органов речи, слабая губная артикуляция, тенденция к подъему средней части языка к твердому нёбу и т. п. Обо всем этом говорится в отдельных параграфах «Фонетики», но необходимо их выделение в специальный параграф.

Наличие двух систем транскрибирования (см. об этом на стр. 63) не может быть признано достоинством книги.

Необходимо также устранить в «Фонетике» замеченные частные недочеты.

В § 79 (стр. 52) сказано, что при негубных «губы не играют особой роли». Что это значит — «не играют особой роли»? В образовании гласных звуков *а, э, и, ы* губы участвуют, но только не вытягиваются и не округляются.

В § 89 (стр. 54), где говорится о палатализации согласных звуков, в конце параграфа сказано: «Таким образом, каждый язычный мягкий согласный характеризуется единым своеобразным положением языка». Это не точно, так как то, что здесь сказано о палатализации язычных, должно быть распространено и на губные, а не только на переднеязычные и заднеязычные.

В § 92 (стр. 55—56) сказано, что переднеязычные согласные в специальной литературе неточно еще называют зубными, среднеязычные — передненёбными или просто нёбными щелевыми, а заднеязычные называют задненёбными. Следовало бы объяснить, что термины *переднеязычный, заднеязычный* предпочтаются потому, что классификация звуков создается по активно артикулирующему органу.

В § 107 (стр. 63—64) говорится о редукции гласного звука *э* и ничего не сказано о редукции начального *э*, хотя в предыдущем параграфе подробно говорится о редукции начального *а*.

Ряд параграфов содержит досадные опечатки (см. стр. 68, второй абзац § 114; стр. 70, § 118, 119, 120; стр. 61, § 102, где слово *сел* представлено в виде *свуол*; и др.).

«Морфология» (стр. 103—679) состоит из обследования словоизменения, словообразования, описания частей речи и их грамматических категорий. Общие положения «Морфологии» не вызывают возражения. Созданная на огромном материале, «Морфология», в соответствии со сталинским учением, показывает, как грамматика «... абстрагируясь от частного и конкретного... берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы»¹.

В «Морфологии» принята грамматическая система, выработанная учеными предшествующих поколений. Составители, проявив обдуманную осторожность и осмотрительность, пользуются общепринятой терминологией.

Много наблюдений описательно-стилистического характера. Впервые в истории грамматической науки составлены списки слов по частям речи с указанием устойчивого и переходящего ударения. Эти списки имеют большое значение как авторитетный справочник для развития культуры речи, для укрепления литературной нормы языка.

Тщательно разработано словоизменение. Это самый разработанный раздел «Морфологии», в нем щедро рассыпаны наблюдения, основанные на колоссальном количестве фактов. И это не случайно. В области словоизменения учеными отечественного языковедения на протяжении двух столетий проделана большая работа по детальному исследованию, классификации и описанию форм, накоплен богатейший фактический материал.

Научное обследование словообразования значительно уступает по своей разработанности словоизменению и представлено в грамматике неоднородно. Прежде всего следует отметить, что суффиксальное и префиксальное словообразование дано значительно богаче и полнее, нежели современные способы образования сложных слов. Суффиксы и приставки также обследованы неодинаково. Хорошо описание словообразования имени существительного и прилагательного. Обильный материал (§ 279—474, стр. 211—280 и § 509—605, стр. 327—367) четко классифицирован. Дан тонкий семантический анализ. Установлены суффиксы и приставки, живые и мертвые, продуктивные и непродуктивные. В системе суффиксального и приставочно-суффиксального образования имен существительных, например, выделены способы образования названий лиц, названий животных, предметов, слов с отвлеченным значением, со значениями уменьшительности, ласкательности, увеличительности и т. д.

Но в глагольном словообразовании особо выделены только хорошо исследованные приставки. Что касается суффиксов, то они частично рассматриваются в связи с анализом категории залога, частично в связи с категорией вида, частично — с установлением продуктивных и непродуктивных классов глагола. В этом, конечно, сказывается специфика глагола как особой части речи. Но у читателя не возникает цельного представления о суффиксальном образовании глаголов вообще и, в частности, об образовании глаголов от других частей речи. Необходимо было обобщить сведения о глагольном словообразовании в особом разделе.

Словообразование наречия дано лишь в виде перечня характерных суффиксов и приставок почти без попытки их семантического анализа. Известно, что образование наречий от основ является морфолого-синтаксическим, но тем важнее было установить специфику суффиксов и приставок этой части речи.

Но и в лучшем разделе словообразования — в словообразовании имени существительного — имеется существенный недостаток: используется пестрая система обозначений области распространения и употребления того или иного словообразовательного элемента. Применяются здесь и обычные, тоже не очень ясные, но более или менее установившиеся в языковедении термины: книжная речь, народная речь, диалектное слово, просторечное, профессиональное, устарелое. Но в § 399 встречается указание на отвлеченно-научную речь, в § 409 — научно-техническую и газетно-публицистическую речь, в § 471 — официально-деловую речь. В каком отношении все это находится к книжной речи — неясно.

В других параграфах встречаем упоминания о профессиональной речи (§ 384), о профессиональных диалектах (§ 356), профессионально-деловых стилях (§ 273). Здесь читатель блуждает между нераскрытыми понятиями — речь, диалект, стиль. Разговорная речь и просторечие пополняются ссылками на фамильно-бытовую речь (§ 270), разговорно-фамильные слова (§ 309) и вульгарное просторечие (§ 322). Опять неясно: слова разговорно-фамильные и слова фамильно-бытовой речи — это одно и то же? Это разные названия одного и того же понятия или это разные понятия?

¹ И. С т я л и ц, Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, 1952, стр. 24.

Стилистическое значение словообразовательных элементов, связанных не только с грамматикой, но и с лексикой, безусловно должно быть вскрыто, но читатель ждет от академической грамматики большей строгости и четкости в обозначении области, сферы распространения слова. Между прочим, в разделе словообразования имени прилагательного и префиксального образования глагола нет указанного выше многообразия стилистических помет, из чего возможен вывод, что тема словообразования в многообразии помет острой необходимости не испытывает.

При обилии стилистических помет, однако, целый ряд слов, который, на наш взгляд, не может быть отнесен к нейтральному стилю литературной речи, остается без указания области распространения или употребления, например: *диспутант* (§ 303, стр. 225); *апеллянт* (§ 303, стр. 226); *тараторка* (§ 321, стр. 230); *рдянец* (§ 355, стр. 238); *дохлятина*, *мерзлятина*, *рыхлятина* (§ 374, стр. 245); *брюховина* (§ 377, стр. 245); *сотняга* (§ 389, стр. 249); *перевесище* (§ 393, стр. 250); *пресно́та* (§ 400, стр. 252); *перхотá* (§ 401, стр. 252); *скукотá*, *смехотá*, *срамотá* (§ 402, стр. 252) и др.

«Морфология» содержит описание 10 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, частицы, предлог, союз, междометие. Теоретические основы изучения частей речи и их категорий не вызывают возражения. Но в изложении материала имеется ряд существенных недочетов.

Совершенно недопустимо для авторитетного справочного пособия, каким и должно стать настоящее издание Академии наук, расхождение в формулировках «Введения» и специальных глав. А такое расхождение, к сожалению, наблюдается. Так, например, во «Введении» сказано (§ 33, стр. 21): «Принадлежность имени существительного к тому или другому грамматическому роду определяется в современном русском языке почти полностью морфологически» (разрядка моя.— Э. К.). Далее указывается, что для существительных иноязычного происхождения, отличающихся от исконно русских слов своей фонетической структурой (*Тбилиси*, *Миссисипи*), играет большую роль значение слов, что с формой грамматического рода тесно связаны словообразовательные группы, и уже в конце отмечено, что «род имен существительных определяется также синтаксически» (стр. 22). В специальной же главе «Имя существительное» (§ 177, стр. 108) утверждается: «Мужской, женский и средний род имен существительных выражается, прежде всего, синтаксически — той или другой формой прилагательного, сочетающегося с данным существительным» (разрядка моя.— Э. К.), а затем уже прибавляется, что «в подавляющем большинстве случаев» род имени существительного определяется и морфологически (стр. 109).

Так и остается неясным, какой принцип — морфологический или синтаксический — является ведущим в определении грамматической категории рода имен существительных в русском языке.

Во «Введении» имеется указание (§ 57, стр. 37): «Категория времени обнаруживается также и в формах причастий и деепричастий». А в главе «Глагол» в § 665, где дается перечень глагольных форм и свойственных им категорий, деепричастие характеризуется таким образом, как будто категория времени ему не свойственна, хотя из § 813 можно сделать вывод, совпадающий с указаниями «Введения». Подобные противоречия должны быть устранены.

При чтении книги страница за страницей замечаешь в отдельных параграфах отсутствие должной четкости формулировок, заметна их неполнота или спорность, иногда встречаются недосмотры и упущения.

В главе «Имя существительное» (§ 177, стр. 108) сказано, что «грамматическая категория рода служит в современном русском языке основным средством выражения предметного значения имен существительных». Но почему категория рода служит основным средством выражения предметности, не объяснено: в дальнейшем изложении эта мысль не находит своего развития. Следующие фразы не развивают это положение, а в известной мере ему противоречат. Сказано: «Категория рода отчетливо обнаруживается только в формах единственного числа. Во множественном числе родовые различия в современном русском языке оказываются уже в значительной мере стертými». А разве во множественном числе существительные не служат средством выражения предметности? Есть целый ряд существительных, употребляемых только во множественном числе (*грабли*, *ножницы*, *очки*, *сливки*, *сумерки* и т. п.). Существуют слова общего рода (*брюза*, *ганжа*, *калека*, *недотрога* и др.), в предметном значении которых, мы, однако, не сомневаемся.

Раздел «Число имен существительных» представлен в четком и стройном виде (§ 182—192). Но богатство значений этой категории далеко не исчерпано. Не дано, например, разнообразие употреблений формы множественного числа, различные значения и оттенки значения которого вскрыты трудами Потебни, Шахматова, Виноградова. Указаны группы существительных, употребляемые только в единственном или только во множественном числе, но не даны переходные случаи, когда, например, существительное с суффиксами *-ин-а*, *-шк-а*, обозначающие единичные предметы, выделенные из состава сложного целого, употребляются в соединении с количественными

числительными: *две-три жемчужины, картофелины, несколько горошинок, соломинок, чайнок* и т. п. Там, где дается перечень имен существительных, имеющих только форму единственного числа, следовало бы, хотя бы в примечании, указать, что существительные — названия злаков, выступающие со значением посевных площадей, могут иметь форму множественного числа: *овсы, ячмени*; сюда же относится форма *жита* и т. п.

«Склонение имен существительных» открывается громоздким определением значения падежа: «Падеж выражает синтаксические функции существительного, устанавливая отношение существительного в данной его падежной форме к другим членам предложения» (§ 198, стр. 120; разрядка моя.— Э. К.). Во «Введении» об этом сказано гораздо проще и лучше: «Падеж обозначает отношение имени существительного к другим словам в словосочетании и предложении; иначе говоря, он выражает синтаксические функции существительного» (§ 31, стр. 21). Вообще следует отметить, что многие формулировки во «Введении» представлены в более отработанном виде, нежели в специальных главах.

Значение падежей раскрыто на обильном материале. Но имеются отдельные недосмотры. При определении значения именительного падежа (§ 194, стр. 120) не отмечена его роль как обращения. Следовало бы также указать, что родительный материала (§ 195, стр. 122) употребляется только в соединении с прилагательным: *рама красного дерева, кабинет карельской березы*. В сочетаниях типа *бутылка вина, литр молока* неудачно название родительного падежа как родительного меры (§ 195, стр. 122), так как мера здесь выражена именительным падежом; ср. винительный меры — *весить тонну*.

В § 200 (стр. 127) творительный падеж пути или пространства иллюстрирован предложением: *Тучки небесные, вечные странники! Степью лазурною, цепью жемчужною мчитесь вы...*, и выделены оба творительных падежа. В § 203 (стр. 130) при определении значения предложного падежа в соединении с предлогом *при* в пункт а) попадают сочетания *при школе, при фабрике*, а сочетание *при шапке* попадает в пункт б). Такое разделение материала ничем не обосновано.

В § 229 (стр. 161) читаем: «Имена существительные среднего рода с основой на *й* («йот») получают в родительном падеже множественного числа форму с нулевым окончанием (*зданий*) со вставкой беглых гласных перед *й* («йотом»): гласного *е* под ударением (*питьё — питей*) и гласного *и* при отсутствии ударения на окончании (*кольё — копий, ущелье — ущелий*). Здесь читателя смущают два момента: термин «беглые гласные» закрепился в грамматической литературе за *е* и *о*, но не за звуком *и*. Затем непонятно грамматическое различие форм родительного падежа множественного числа *зданий* (нуль флексии) и *ущелий* со «вставкой беглого гласного *и*».

В главе «Имя прилагательное» неудачно выражение «грамматические приметы», употребленное по отношению к морфологической характеристике качественных прилагательных (§ 476, стр. 282). Здесь выступает нечто более основательное, чем «приметы», так как краткая форма степени сравнения и др. — есть грамматическая форма, отличающая качественные прилагательные от относительных.

Нельзя согласиться со следующим толкованием значения уменьшительно-ласкательных и увеличительных суффиксов: в § 476 (стр. 282) сказано: «От качественных прилагательных возможно образование уменьшительных, ласкательных и увеличительных форм, т. е. форм, выражающих оттенки и степени качества». Это неверно, так как уменьшительно-ласкательные и увеличительные суффиксы, например в словах *беленький, тяжелёшенький, лёгонький, ранёхонький, большущий*, не обозначают ни оттенки, ни степень качества, а служат средством субъективной оценки этого качества.

При определении синтаксической функции кратких прилагательных (§ 482, стр. 288) указывается, что «в современном русском языке они выступают только в роли сказуемого и не могут выступать в роли определения», — здесь упущено из виду, что краткие прилагательные могут выступать в функции обособленного определения. В § 605 рассматривается словосложение имен прилагательных. Перечисляются отдельные типы, и на стр. 366 в отношении шестого типа разряда г) *своевольный, своевольный, своеобразный* и др. и разряда д) *самовольный, самодовольный, самозванный, самочинный* и т. п. сказано: «Оба последних разряда обнаруживают самую тесную связь с соответствующими сложными именами существительными и могут рассматриваться как производные от них». Но разве имеются существительные: *самодоволие, самозвание, самочиние*? Эти примеры следует снять.

Глава «Глагол» разработана в грамматике иначе, чем другие главы. Разделы о залоге, о виде, о классах глаголов представлены как разделы специального исследования, а не справочного пособия для «широких кругов читающих и пишущих», как это было сказано в «Предисловии».

Категория залога — один из сложных вопросов русской грамматики. Здесь переплетаются явления морфологии, синтаксиса и лексики. В главе это учитывается при установлении трех основных залогов: действительного, страдательного и возвратно-

среднего. По отношению к возвратно-среднему залогу даются восемь подвидов: собственно-возвратный, взаимно-возвратный, общезовратный, косвенно-возвратный, активно-безобъектный, пассивно-качественный, возвратно-пассивный и возвратно-страдательный. Здесь много тонких и глубоких наблюдений, но, думается, что в этом разделе лексический момент преобладает над грамматическим.

Отчетливо выделяются и понятны подвиды собственно-возвратный (тип — *причесываться*), взаимно-возвратный (тип — *обниматься*) и общезовратный (тип А — *наклониться* и тип Б — *обрадоваться*). Но в чем разница между активно-безобъектным *браниться* и общезовратным типа Б *обрадоваться* — неясно.

В § 681 (стр. 421) сказано, что «глаголы активно-безобъектного значения называются действия, которые могут переходить на другой предмет (прямой объект), но представляются или вне отношения к объекту или как характеризующие производителя, напр.: *корова бодается, мальчик дерется*». Определение слишком общее и поэтому неопределенное. То же можно сказать и о глаголах общезовратных типа Б (ср. глаголы *беспокоиться, веселиться, удивляться* и т. п.). Когда читаешь эти страницы грамматики и вдумываешься в оттенки залоговых отношений, точку зрения автора главы улавливаешь, но, закрыв книгу, затрудняешься дать списки глаголов к устанавливаемым подгруппам. Не связано ли это с тем, что автор главы придал слишком большое значение лексическому содержанию глаголов?

Непонятно, почему, например, глагол *отправляться* попадает в группу глаголов общезовратного значения (стр. 420), а глагол *направляться* оказывается среди возвратно-страдательных (стр. 422). Разве грамматически не одно и то же: *Вы направляетесь на работу туда-то* и *Посылки отправляются с трех до пяти*?

Очень хороши сопоставления возвратных глаголов с соответствующими невозвратными глаголами с тем же лексическим значением (§ 684, стр. 425). Хорошо определена категория вида, дана яркая картина ступенчатого образования видов русского глагола (§ 687—728). Но значение совершенного вида раскрыто с меньшей степенью глубины, чем несовершенного.

В разделе дееспричастия нет желательной точности. В § 816 (стр. 524) отмечаются глаголы, от которых дееспричастия не образуются, однако четкого принципа их классификации не дано. В подаче материала обнаруживается дробность. Например, сказано: «Не употребляется дееспричастие от глагола *лечь*». А можно или нельзя образовать дееспричастия от глаголов *грызть, ползти*? Ответа на этот вопрос грамматика не дает.

Глава «Глагол» насыщена ценными, тонкими и глубокими наблюдениями, многие из них — нормативно-стилистического характера. Но иногда читатель наталкивается на такие параграфы, которые только регистрируют факт и не выражают авторского отношения к нему. Например, в примечании в § 825 (стр. 532) сказано, что «употребление дееспричастий на *-е, -вши, -ши* от глаголов несовершенного вида без отрицания возможно, но встречается значительно реже», и дальше: «Довольно обычно употребление этих дееспричастий у Маяковского; см., напр.: *жаркая, мутит, носивши, совмещая, трунив, умираю*». Но разве употребление этих форм соответствует литературной норме? Почему же нет никаких указаний на необычность их?

К сожалению, не только здесь составитель как бы забывает, что грамматика имеет прежде всего значение нормативно-стилистического справочника. Так, в § 862 по отношению к слову *жрать* — *жрут* указано, что оно просторечно-вульгарное, но глаголы *брезгать, гоготать, лопотать* (§ 865), *блевать* (§ 843), *смердеть* (§ 869), *переть* (§ 706), *распереть, напереть* (§ 816, 888) даны без помет. Неприятна встретившаяся нечеткость в употреблении отдельных терминов. Например, глагольный аффикс *-ся (-сь)* в грамматике обычно называется суффиксом (см. § 675, 679, 683), но в § 665 аффикс *-ся (-сь)* называют то суффиксом, то частицей. В § 666 аффикс инфинитива *-ть (-ти)* назван суффиксом, но здесь же в контексте он называется окончанием.

В главе «Наречие» неясен принцип выделения в промежуточную группу между качественными и обстоятельными наречиями так называемых качественно-обстоятельных наречий, «совмещающих в себе значение качественной характеристики действия с указанием на образ или способ его совершения» (§ 931, стр. 610), например: *вброд, вдребезги, вдруг*. Разве наречия, отнесенные к собственно качественным: *бойко, быстро, наскоро* и др., характеризующая действия, не указывают «образ или способ его совершения»?

В § 951 (стр. 624) указано, что «наречиям, образованным от различных косвенных падежей с предлогами и без предлогов, в ряде случаев свойственны уменьшительно-ласкательные формы». Приводятся примеры: *босичком, пешочком, пороснячком, украдкой, вдогонку, тихомолочку* и др., но absence их употребления не указана. Между тем подобные формы известны прежде всего живому разговорному языку и устному поэтическому творчеству.

В отношении наречия *заполдни* в § 946 (стр. 622) указано, что это слово диалектное, но в этом же параграфе без всяких помет даются наречия *навыворот, наутёк, окрест*, а в других местах — наречия *понаслашке, поделом* (§ 948), *вадром* (§ 949), *верех*

тормашками, во всю Ивановскую (§ 953), *впервой, втридцатье, завтра, невпроворот'* *сподобора* (§ 963). У читателя может создаться впечатление, что составители грамматики считают эти слова принадлежностью нейтрального стиля литературной речи. Уже приходилось указывать, что область употребления и распространения слов дается в грамматике беспорядочно. Следовало бы пометы к отдельным словам, а не к грамматическим формам либо совсем снять, предоставив это дело словарю, либо проводить их систематически.

В § 964 (стр. 639) сказано, что «при известных условиях (в диалогической речи) частица может образовать целостное высказывание». Это замечание следовало бы уточнить указанием, что это возможно лишь для некоторых частиц: вопросительных, утвердительных, отрицательных: *разве, ну ужели, да, нет*.

Частицы *мог, де, дескать, бишь* определяются в § 979 (стр. 647) как частицы, обозначающие субъективную передачу чужой речи, но что значит «субъективная передача чужой речи», не раскрыто. Такой лаконизм непростителен тем более, что определение отдельных частиц часто дается с ненужной многословностью, например, определение значения частицы *было* представлено таким образом (§ 980, стр. 648): «Частица *было* при прошедшем времени глагола совершенного вида обозначает, что действие началось, но не было закончено в силу каких-то причин, непредвиденных условий, помешавших осуществиться этому действию». Последние десять слов этого определения лишние, так как частица *было* указывает, что действие началось, но не было закончено. В § 985 (стр. 650) неправильно определяется значение частицы *бывало*, когда указывается, что она придает глагольным формам «значение действия, нерегулярно повторявшегося в прошлом». Это значение не подкрепляется приводимым примером: *Набевившись доста, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице*. Частица *бывало* обозначает повторяемость действия, не указывая, однако, ни регулярности, ни нерегулярности его.

На главе «Предлог» лежит печать общей недоработанности. Как согласовать содержание двух соседних параграфов о предлоге? В § 988 (стр. 652) сказано: «Предлоги как служебные слова не имеют самостоятельного лексического значения...», а в соседнем § 989 удивленный читатель находит следующее положение: «Однако предлоги не совсем лишены лексического значения, хотя степень его у разных предлогов различна». Так и остается неясным, обладают предлоги лексическим значением или нет и насколько это важно для данной части речи. Такая сбивчивость в изложении основных грамматических положений не к лицу академическому изданию.

Значение и употребление предлогов раскрыты только в отношении первообразных предлогов. Значение так называемых наречных, отыменных, отглагольных предлогов не определено, как и не указано, с какими надеждами они употребляются. Следовало бы раскрыть на материале и положение о том, что значение предлогов зависит от значения тех существительных и глаголов, в сочетании с которыми они вступают.

Синонимика предлогов представлена крайне скупо. В § 994 (стр. 657) сказано: «Явления синонимии весьма распространены в предложной системе современного русского языка». Но это важное грамматическое положение по существу не раскрыто; приводится иллюстрация употребления предлогов *из, от, с*, синонимичность которых более чем сомнительна. Сочетание *ехали с гор* (стр. 658) по существу не может иметь синонимического ряда *ехали из гор, ехали от гор*. С таким же успехом можно было бы назвать синонимическим ряд сочетаний *ехали у гор, ехали к горам, ехали под горами, над горами* и т. д. Академическая грамматика не должна вызывать такого рода недоумения у читателя.

В главе «Союз» допущена неточность. В § 1009 (стр. 665) сказано, что «значительное количество союзов представляет собою омонимы местоимений, наречий и частиц». Замечание верное, но оно не относится к указанному в перечислении наречию *где*, которое, как известно, никогда союзом не является.

Указание на то, что в разговорном стиле речи междометия, выражающие чувства, могут выступать в значении сказуемого (§ 1015, стр. 674), возможно распространить на междометия волеизъявления и междометия со значением призыва и отгона животных: *И все: горшки, скамьи, столы, Марш! марш! — все в печку посакало* (Пушкин, Гусар); — Няня! дай-ка мне дитя! — На, родной... (Некрасов, Песня Еремущке); *Глязю: под лавкой дремлет кот... я: брысь!... И вот И он туда же за логанкой* (Пушкин, Гусар).

Необходимо устранить недопустимое в академической грамматике смешение явлений грамматики, фонетики и орфографии, замеченное, правда, в частности и в единичных случаях. В § 210 (стр. 137) сказано: «... одни и те же окончания твердого и мягкого склонения тоже различаются начертаниями: в дательном, творительном и предложном падежах существительные твердого склонения имеют окончания *-ам, -ами, -ах...*, а существительные мягкого склонения — окончания *-ям, -ями, -ях*». Разве здесь дело только в начертаниях? Или читаем в § 499 (стр. 315): «С орфографической точки зрения некоторыми особенностями в склонении отличаются прилагательные с основой на заднеязычные звуки *г, ж, х*, с основой на шипящие и на свистящий *ц*».

При переиздании книги особое внимание должно быть уделено вопросу расположения материала. Грамматика задумана как справочное пособие. Предполагается, что каждый, обратившись к ней, легко и просто получит нужную справку. Но несмотря на тщательное и подробное оглавление, разыскать нужное грамматическое правило трудно. Расположение разделов и параграфов в специальных главах не соответствует расположению их во «Введении». Внутри разделов материал дан разобственно, отражается погоня за отдельными, единичными формами. Отчетливая тенденция к объединению материала отсутствует.

В разделе «Колебания в роде имен существительных», например, слово *ботинок* — *ботинка* дано на стр. 111, слово *туфель* — *туфля* — на другой странице; *тополь* в одном абзаце (вместе с *санаторий* — *санатория*), а *чинара* — в другом. На стр. 112 после иллюстраций к *тополь*, *-ем*, *-ью* помещается новый абзац: «Сюда же (!) относятся и колебания в роде у слова *кофе* — мужского и среднего (в разговорной речи) рода», а на стр. 113 в отрыве даны замечания к формам *какао* (среднего рода) и *какао* (мужского рода; устар.).

Вообще принцип классификации имен существительных с колебаниями в роде по этому разделу совершенно неясен. Если на стр. 111 дается перечень колебаний в роде имен существительных иноязычного происхождения (*канделябр* — *канделябра*, *санаторий* — *санатория*, *фильм* — *фильма*), то среди них одиноко и не на месте стоит слово *занавес* — *занавесь*. В отношении слова *зал* — *зала* ничего не сказано о третьей встречающейся форме *зало*.

К сожалению, разобщенность материала встречается и в других разделах. Ср. разобщенность наблюдений о творительном падеже существительного со значением населенных пунктов с окончанием *-ом*, *-ем*: на стр. 138 *городом Калинином*, *городом Кировом*, а на стр. 157 *под Кунцевом*, *селем Марьином*. Подобная разобщенность материала затрудняет пользование книгой; материал должен быть объединен, а в дальнейшем изложении при надобности должна быть дана лишь ссылка на него.

Вызывает недоумение также следующее расположение материала. На стр. 157, где даются объяснения к особенностям склонения имен существительных среднего рода твердого склонения, после фразы: «Имена существительные с основой на *ж* при переходе ударения с основы на окончание во множественном числе имеют окончание *-а*: *войско* — *войска*, *облако* — *облака*»..., дано примечание: «Имя существительное *колено* [это после фразы о существительном с основой на *ж* (!)] в значении части тела имеет в именительном-винительном падеже множественного числа форму *колени* (наряду с устарелой формой «колена»), а форма *плечи* — *плеча* дана на стр. 159, и только в отношении с последней (*плеча*) отмечается, что это сохранившаяся в современном русском языке форма двойственного числа. О форме *колена* этого сказано не было. Формы *колена*, *плеча*, общего происхождения и ныне устарелые, следовало бы объединить. Необходимо также отметить, что важные для нормативной грамматики положения часто даются петитом, например, на стр. 576 в примечании сказано о том, что форма *бежат* недопустима в литературном языке.

Подлежит пересмотру распределение материала и в других главах. Например, в главе «Имя прилагательное» в разделе «Способы приставочного образования имен прилагательных» (§ 572 и сл.) материал распределяется по алфавиту, исконо русские и иноязычные приставки идут в одном ряду.

Совершенно неясно, в каких случаях даются исторические справки. Создается впечатление, что они приводятся случайно. В главе «Имя числительное» при описании склонения числительных *два*, *три*, *четыре* даже в примечании ничего не сказано об остатках двойственного числа. Но есть историческая справка в примечании к § 615, где указано, что в древнерусском языке имена числительные *сорок*, *девяносто*, *сто* изменялись по падежам, как соответствующие имена существительные, к § 632 дана справка о появлении в личном местоимении начального *н* после предлогов, в § 747 сказано о происхождении форм прошедшего времени, в § 885 дана историческая справка о чередовании гласного *а* (*я*) с носовыми согласными. И нет исторической справки, как уже было сказано, об остатках двойственного числа, о причинах явления беглых гласных, о переходе орфографического *е* в *ѣ*. Исторические сведения необходимо давать систематически.

Совершенно необходимы исторические обоснования для существующих в языке дублетных форм. Недостаток в такого рода пояснениях остро чувствуется, например, в главе «Имя существительное» при описании форм: *четыре города*, но *городá*, *три окнá*, но *окна*, *две реки*, но *рэки*, при описании флексии *-и* в именительном падеже множественного числа и в ряде других случаев.

Грамматика по своей установке является нормативной. Но достаточно ли осуществлена эта нормативность? Приходится сознаться, что не всегда. Склонение имен существительных, например, богато иллюстрировано, содержит много замечаний нормативного и стилистического характера. Очень ценный материал дает раздел «Ударение в именах существительных». Разноместное ударение русского языка создает значительную трудность в овладении литературным произношением. Академическая

грамматика, регистрируя литературную норму, приводит обширные списки слов, чем оказывает большую помощь не только школе в развитии культуры устной речи. Особые разделы имеются также об ударении имен прилагательных (§ 503—508), причастий (§ 804—812), деепричастий (§ 813, 814).

Устанавливается три основных типа имен существительных по ударению: 1) существительные с устойчивым ударением на основе во всех падежных формах; 2) существительные с устойчивым ударением на окончании во всех падежных формах; 3) существительные с разноместным ударением, различающиеся местом в формах единственного и множественного числа или противопологающие по ударению прямые падежи косвенным. Однако литературная норма в этом разделе не всегда достаточно строго выдержана. Вызывает возражение, например, замечание о том, что «имя существительное *гром* допускает в поэтической речи форму именительного падежа множественного числа с ударяемым окончанием *-а*» (§ 257, стр. 192, прим. 3). Приводится иллюстрация: *Иль это не голос, а буря сама? Иль это приказ повторяют громá?* (М. Голодный, Матросская легенда). Навряд ли форма *громá* допустима в поэтической речи с точки зрения литературной нормы.

Можно ли, например, безоговорочно признать нормативной лишь форму *профессора* (стр. 148), признавая *инспекторы* и *инспектора* или допуская колебания *корректора* — *корректора*, *бухгалтеры* — *бухгалтера* (стр. 149)?

Если учитывать нормативную направленность грамматики, то нельзя допускать такие нерешительные формулировки, какая, например, дана в примечании на стр. 149: «Не следует поддерживать в письме и произношении формы на *-а*: *аптекаря, консула, месяцá, циркуляá*». Следовало бы категорически запретить употребление подобных форм в литературном языке.

При указании литературной нормы нет ни достаточной четкости, ни желательной определенности и гибкости, где последняя должна была бы иметь место. Например, вопрос о форме родительного падежа множественного числа для существительных *салог, чулок* решен безоговорочно в пользу нулевого окончания (стр. 152), но петитом на другой странице указано, что имя существительное *носок* имеет в родительном падеже множественного числа форму с окончанием *-ов* (*носков*). Едва ли безоговорочно для современного языка можно давать в родительном падеже множественного числа только форму *грамм* и не допускать форму с *-ов* (*граммов*). Это тем более странно, что допускаются широкие возможности для флексии *-а* в именительном падеже.

В § 233 (стр. 166) сказано, что окончания *-ей* имеют в родительном падеже множественного числа некоторые имена существительные женского рода мягкого склонения: *бухля — бухлей, доля — долей*. А как с существительным *капля*? Соответствует норме только форма *капель* или возможна и форма *капель*? Четкого ответа на этот вопрос читатель не найдет. На стр. 168 при слове *свеча* указаны две формы: *свечей* и *свеч*.

Недостаточная четкость в проведении принципа нормативности сказывается и в других главах. Например, в главе «Имя числительное» раздел «Количественные числительные в устной и письменной речи» (§ 610, стр. 371) не дает ответа на вопрос о том, нужно ли склонять сложные количественные числительные, является ли отступлением от общелитературной нормы тот факт, что в сложных количественных числительных в устной речи часто склоняются только последние члены или последний член числительного. Грамматика должна не просто констатировать тот или иной языковой факт, но и давать более определенные решения трудных для практики вопросов.

Выше уже отмечалась чрезвычайная пестрота в употреблении стилистических помет. Используются они, действительно, очень своеобразно. Например, при общелитературной форме *ботинок, глист, лебедь, -я* (§ 181, стр. 111) указывается, что форма *ботинка* употребляется в просторечии, *глиста* — в разговорной речи, *лебедь, -и* — в народно-поэтической. Но почему первая форма является просторечной (*ботинка*), а вторая (*глиста*) — разговорной — остается неясным, как пояснен на протяжении всей книги сам принцип разграничения различных стилей речи. Чем руководствовались составители, в одних случаях давая пометы, в других — нет, тоже непонятно. Например, в § 189 (стр. 119) без всякой стилистической пометы дано образование *стишонки*: создается впечатление, что авторы грамматики считают это слово соответствующим литературной норме.

В главе «Наречие» без стилистических помет даны формы *долу* (§ 944, стр. 621), *навзрыд* (§ 946), *испому* (§ 947), *отродясь, не обинуюсь* (§ 956). О наречиях с суффиксом *-учи (-ючи)* (§ 956) сказано, что они в литературном языке непродуктивны. Следовало бы добавить, что область распространения таких наречий, как *глядючи, жсалаючи, играючи, крадучись, припеваючи, умеючи*, ограниченная: они употребляются или в просторечии, или в языке произведений устного поэтического творчества.

Академическая грамматика, нормализуя употребление языковых форм, естественно, должна была опираться на самые авторитетные, тщательно отобранные литературные источники. Грамматика основана на обильном материале. Иллюстрации в каждом разделе представлены богато. Они извлечены не только из произведений художественной и научной литературы XX, XIX, иногда XVIII в.; в отдельных слу-

чая привлекается материал из произведений устного народно-поэтического творчества, даются примеры из газет, примеры живой разговорной речи. Но подача примеров, часто в одном параграфе (например, § 65, 175 и др.), то со ссылкой на автора и произведение, то без всяких ссылок создает впечатление нестроты и отсутствия определенной системы. Если собственные примеры вполне естественны для отдельных слов и словосочетаний, то целые предложения, казалось бы, следовало давать с указанием на источник. Между тем весь раздел «Глагольные приставки» (§ 898—924) иллюстрирован фразами без ссылок, раздел из «Введения» «Взаимопереход частей речи» (§ 64) тоже иллюстрирован собственным материалом, в то время как именно здесь необходимы были авторитетные иллюстрации из языка произведений наших классиков и из лучших образцов советской литературы.

Сами примеры не всегда отвечают требованиям академического издания. Вряд ли можно считать удачными, например, такие иллюстрации: *Сабуров взглянул вверх и увидел... двухфузеляжный артиллерийский корректировщик «Фокке-Вульф»* (Симонов, Дни и ночи, III) (§ 175, стр. 106) или: *На Одесской станции юных натуралистов научный сотрудник тов. Соловей путем соответствующего воспитания (поздний осенний посев) превратил яровой ячмень «Паллидум» 032 в зимующий в условиях Одесской области* (Лысенко, Творец советской агробиологии) (§ 997, стр. 660).

Замечание вызывает и список цитируемых авторов. Наряду с писателями-классиками, лучшими писателями современности, передовыми учеными прошлого и настоящего, читатель встретит в списке и фамилии начинающих авторов, язык произведений которых нельзя считать образцовым. Вряд ли следовало цитировать и второстепенных поэтов прошлого, например Надсона. Почему в нормативно-стилистической грамматике русского языка цитируется абхазский писатель Гулия? Не все цитируемые в тексте авторы указаны: в списке пропущены фамилии Рудермана (§ 273), Барсова (§ 766), Лысенко (§ 997).

Устранение указанных недостатков (отсутствие изложения в вводной части ряда принципиально важных для нормативно-стилистической грамматики положений, несогласованность в отдельных параграфах «Введения» и специальных глав, наличие значительного количества нечетких, неполных и даже в единичных случаях неверных формулировок, непоследовательность в подаче исторических справок, недостаточная четкость в проведении принципа нормативности и некоторые другие) должно, на наш взгляд, способствовать улучшению грамматики при ее последующих переизданиях.

Следовало бы несколько сократить общий объем книги, что особенно легко сделать за счет уменьшения иллюстративного материала. Не лучше ли вместо пространного оглавления (изложенного на 40 страницах!) дать предметный указатель?

Академическая грамматика является несомненно ценным и полезным трудом. Учет лучшего научного наследия предшествующих поколений, колоссальный свежий материал, его стройная классификация, богатство тонких и глубоких замечаний, общедоступное изложение дали возможность авторскому коллективу Института языкознания Академии наук СССР создать действительно замечательный труд.

По своему стремлению как можно шире охватить явления живого языка, по тщательной систематизации фактов, нормативно-стилистической направленности грамматики является действительным продолжением развития русской грамматической науки, основы которой были заложены трудами Ломоносова и Востокова.

Грамматика будет способствовать дальнейшему развитию научной мысли, плодотворной разработке вопросов грамматики не только русского языка. Тираж грамматики 10 000 экз.— явно недостаточен. Настоящая грамматика наряду со словарем должна стать настольной книгой каждого интеллигентного советского гражданина.

Э. И. Коротасва

Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. [Сб. статей.] Редколлегия: Г. Ф. Александров, В. В. Виноградов, Г. Д. Санжеев, Б. А. Седебренников и Д. И. Чесноков. — М., Изд-во АН СССР, 1952. 496 стр. (Ин-т языкознания. Ин-т философии.)

В своих гениальных трудах по вопросам языкознания И. В. Сталин поставил перед советской лингвистикой две взаимосвязанные задачи: скорейшее освобождение нашего языкознания от ошибок Н. Я. Марра и внедрение марксизма в языкознание. Первой задаче непосредственно посвящены два сборника Института языкознания АН СССР — «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании» (т. I—II, 1951—1952). Рецензируемый сборник служит второй задаче — творческой разработке ряда основных проблем сталинского учения о языке.

Сборник содержит 18 статей, посвященных вопросам сущности и специфики языка, языка и истории, языка как системы, грамматике (в особенности словообразова-